

Антология Живой Литературы (АЖЛ)

АНТОЛОГИЯ
Диалоги снаружи и внутри

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2015

УДК 82-1
ББК 94-3

Антология

Диалоги снаружи и внутри / Антология — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2015 — (Антология Живой Литературы (АЖЛ))

ISBN 978-5-00025-048-8

«Антология Живой Литературы» (АЖЛ) – книжная серия издательства «Скифия», призванная популяризировать современную поэзию и прозу. В серии публикуются как известные, так и начинающие русскоязычные авторы со всего мира.

УДК 82-1

ББК 94-3

ISBN 978-5-00025-048-8

© Антология, 2015
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2015

Содержание

К читателю	8
Предисловие	9
Штрихи	10
Найти себя	11
Памяти Осипа Манделъштама	12
Щенок	13
После грозы	14
К портрету В. Д. Гудиашвили	15
По кругу	16
Капля	17
«Февраль. Дождями загрунтован...»	18
«Когда-нибудь, сорвав повязку с глаз...»	19
«Мой ангел нежный, не зови меня!...»	20
«До невесомости легка...»	21
Старик	22
Подмосковная баллада	23
Одиссей	24
Пограничная зона	25
«В яме оркестру (теперь это видно) дана...»	26
Ностальгия	27
Чайный блюз	28
Придорожный миндаль	29
«я вижу холм, где память обо мне...»	30
Мою колыбель раскачивал ветер	31
«Винный запах падающих яблок...»	32
«Маленький джем, за столиками...»	33
«Мою колыбель раскачивал ветер...»	34
Радуга	35
«Сумасшествие птичьё с утра...»	36
Красные каблуки	37
«Слова пытаются выживать...»	38
Фотографии на память	39
1. Тель-Авив, Яффа	39
2. Эйлат	39
3. Рош-ха-Никра	39
4. Иерусалим	40
5. Иерусалим	40
6. Минск	40
«Я сбиваюсь со счета...»	42
«Челюсть вывихнута...»	43
«Возьмем лепешку, создадим объем...»	44
Август	45
«Карусель, растянутая по вертикали...»	46
«Мерцание струек, зеленая кожа металла...»	47
Рыцарь письменного стола	48
Девочка в шаре	50

Рассвет	52
Из банки	53
Особые войска	55
Едино книжный	56
Его ремесло	58
«Бороться...»	60
«Будь разночинцами с ним в девятнадцатом, то бы...»	61
Виктору Гюго	63
Отпущение	64
Who wrote Holden Caulfield?[1]	65
Как провожу лето	66
Из библиотеки	67
Первое	68
День Памяти в Болгарии	69
«Здесь розы чтут, а маки не при деле...»	70
Когда я Сольвейг	71
На маяк	72
Д'Арк	73
На 30 декабря	74
Неявный диалог	75
Букет	76
Два пассажира	78
Игра	79
Инструкции к стулу	83
Короткий полет	84
Медный всадник	85
Нет смысла ехать к океану	86
Она разговаривает со мной	87
Она	88
Отец	89
Ритм	90
Работенка	91
Смешной музыкант	93
Ты	94
Полнолуние	95
Вечерняя виолончель	96
Звучит беллиниева «Каста дива»	97
Песочные часы	98
Разделение	99
Париж	100
Песня	101
Гамлет-Гамлет. Так оно бывает...	102
1. Игры на флейте	102
2	102
3. Куколка и бабочка	103
Камень	104
Лишь о ней...	105
Садик	106
Звезда	107

Глубокая река	108
Темно-красное танго...	109
Novella	110
Ночь	110
Она	110
Поцелуй Гермины	112
Памятник курящему	113
«Цыганка по двору бродила...»	114
«А Сольвейг – пела...»	115
Пророку	116
На смену аватарки	117
В несовершенстве мира...	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Диалоги снаружи и внутри: антология

Редактор-составитель Нари Ади-Карана

Серия: Антология Живой Литературы (АЖЛ)

Серия основана в 2013 году

Том 2

Издательство приглашает поэтов и авторов короткой прозы к участию в конкурсе на публикацию в серии АЖЛ. Заявки принимаются по адресу skifiabook@mail.ru.

Подробности конкурса: издательский сайт www.skifiabook.ru.

Все тексты печатаются в авторской редакции.

К читателю

Уважаемый читатель, спасибо за внимание к нашей книге. К книге, в которой представлены авторы современной поэзии.

У поэзии сейчас нелегкие времена. Нет, она никуда не исчезла, она просто не собирает стадионы, за ней не выстраиваются очереди у книжных полок, ее не транслируют на коммерческих радиостанциях. Она не гонится наперегонки с техническим прогрессом и не пытается разменять искренность на несколько минут центрального телевидения.

Тем не менее поэзия осталась, как никуда не делись ни вечные вопросы, ни ощущение гармонии (дисгармонии) этой жизни, как никуда не делось чувственное восприятие действительности.

Поэтов не стало меньше, чем в прошлые времена. Рискну предположить, что поэзия, в лучших своих проявлениях, даже не стала хуже, чем в «серебряное» или «золотое» время. Она просто стала чуть тише, чуть интимнее. Чуть более «для своих». Для тех, кто умеет поэзию слышать.

Наверное, это потому, что поэзия, как и чувства, есть Дар, определенная энергия, которую человек зачем-то получил. И этот Дар требует, чтобы Поэт выполнил свое предназначение, отдал полученную энергию людям. Как сказал Н.И. Калягин: «Поэзии не бывает без вдохновения, а вдохновение – это то, что вдыхается в человека извне, то, что приходит не спросясь и уходит, когда не ждешь».

Поэт немислим без своего слушателя, без своего читателя. Поэтому спасибо, уважаемый читатель, что ты есть. Надеюсь, что в этой книге найдутся Миры, которые затронут твою душу.

С уважением,

Игорь Знашев,

главный редактор издательства «Скифия»

Предисловие

Что отличает человека от других живых существ?

Вертикальное положение тела? Деревья гораздо вертикальнее нас. Количество извилин? У слона и кита их гораздо больше. Специализация полушарий? И что это дает?..

Мы говорим! И не только о еде, укрытии и размножении. Мы говорим о «лишнем», с точки зрения камней, деревьев и кошек (при всем моем к ним уважении). Мы ведем непрерывные диалоги.

Причем не только снаружи, но и внутри.

Редактор тома, Нарн Ади-Карана

P. S. Наша книжная серия продолжается. Если вы хотите предложить свои поэтические или прозаические работы к публикации – мы будем рады.

Просто вышлите свои произведения с небольшим рассказом о себе по адресу skifiabook@mail.ru с пометкой «заявка на участие в Антологии Живой Литературы» – мы обязательно вам ответим!

Штрихи **Анатолий Ларионов. д. Старица, Калужская обл**

Родился 18 сентября 1949 г. Член Союза писателей Москвы. Издал пять книг: «По замкнутому кругу» (2004), «Автограф» (2004), «Найти себя» (2008), «Чайный блюз» (2008), «Пограничная зона» (2009).

© Ларионов А., 2015

Найти себя

А. Храменкову

Найти себя подстрочником, строкой,
хоть буквой, хотя бы звуком малым!
Все это было в детстве под рукой —
огромный мир! И вдруг его не стало.

Он заблудился в собственном лесу
не ставших откровениями истин.
И сам себя я на руках несу
туда сквозь шепот уцелевших листьев.

Не обольщусь, безвременья следы
за собственные вехи принимая.
И, пробуя червивые плоды,
я только крепче кулаки сжимаю.

Как это горько, в будущем своем
остановившись посреди дороги,
вернуть тот мир и, задыхаясь, в нем
найти себя. И не узнать в итоге.

Памяти Осипа Мандельштама

*И море Черное, витийствуя, шумит
и с тяжким грохотом подходит
к изголовью.*

О. Мандельштам

И молния, придя этапом к горизонту,
и гром, творящий слух, приравненный судьбе,
и сонмы кораблей, ведущие из Понта
отсчет во времени, – все сходится к тебе!

И всяк, найдя свой свет, готов предать огласке
кровавых куполов архаику. И вот
спешат пробить свой час куранты башни Спасской,
и, как дитя, притих выдавший виды флот.

Все сходится к тебе: и Рим, и Кремль! Воловью
покорность сбросил с плеч ахейский капитан.
«И с тяжким грохотом подходит к изголовью»
беспамятства лишенный океан.

Щенок

Из мокрых листьев коктейль взбивая,
жалобный лай отсыревшей нотой
бросился в сонный салон трамвая,
но был отброшен дверной икотой.

Рванулись рельсы в ночную слякоть,
теплый дом унося по шпалам.
...Он упал. И краин мякоть
стекла молоком по лицам усталым.

Никто не подумал, что он без хлеба,
не испугался судьбы нелепой.
Одно утешение – обляять небо...
Господи, с чьей это жизни слепок?

После грозы

все вымерло вчера и кончилось вчера
в чернильных жилах вся катилась к морю туча
и на крючок была нанизана пчела
и среди прочих звезд была звездой падучей

и время запеклось сиреневой чертой
и горький майский мед сочился в неба чашу
и думала пчела согнувшись запятой
что вот последний шанс украсить глупость нашу

К портрету В. Д. Гудиашвили

Мало ли, много жизнь искажала...
К дому дорога долго бежала,
долго петляла, долго кружила.
Много ли, мало жизнь предложила?

Годы обочин, горя, крушений...
Вздулись, как корни, жилы на шее,
дернулись гневно, будто очнулись.
Тут и в отечестве встрепенулись.

«Смерть Пиросмани» – не для Парижа!
Кисть не обманет – Родину вижу!»
Цвета густого сурика – руки.
Тридцать шестого года излуки.

Грязь не пристала, не ослепила:
перелистала и – отступила.

По кругу

стрелки-стрелки секунданты бессонницы
мысли взрывают по кругу вращения
то ли текущее время хоронится
то ли становится мера священнее

кто их, зачем тянет ширмой мигреновой
вслед изнуряющей скачке пунктирной
по циферблату стихотворения
в этой пустой суматохе квартирной

взвешивай! в память с которой стирается
секундомерной агонии свита
может быть новая жизнь упирается
не осязая условий транзита

Капля

она растёт как приговор вмещая
себя с трудом в незыблемую форму
дарованную ей самой природой
свернув пространство до законов плоти
и ими пресыщаясь в этой рабской
колеблющейся хрупкой оболочке
она созреет и слезой паденьем
гармонию привычную встревожит
но не изменит только миг и капля
разбита вдребезги и новые зачатья
поспешно примут те же формы рабской
свободы плоти жаждущей полета
и это будет продолжаться вечно

«Февраль. Дождями загрунтован...»

Февраль. Дождями загрунтован
до белой накипи газон.
И ожерелья хмурых окон
нелепый отражают сон:
сухой закон, года глухие,
по кухням – затяжной совет.
Из жизни дворники лихие
последний выметают свет.

А дождь уже со снегом дружен
и мертвый катится сезон,
и, как на праздник, отутюжен
лицо теряющий газон.

«Когда-нибудь, сорвав повязку с глаз...»

Когда-нибудь, сорвав повязку с глаз,
лишь оглянись! Там, в обмороке будней,
вся жизнь в огне безумных клятв и фраз
в круг вплетена, который наши судьбы
замкнули. Нить (а прежде то была
черта последняя) тоской мне горло сжала.
Отбросив два мешающих крыла,
ты эту нить, как зеркальце, держала.

Замри, прошу! В неведение рука
 пребыть должна.
Пусть вся в узлах, как в шрамах,
 струится нить по лезвию стиха,—
 я жив еще! И это как-то странно.

«Мой ангел нежный, не зови меня!..»

Мой ангел нежный, не зови меня!
Твое дыхание мне обжигает память
и, как мальчишку, выдыхает в ночь
в безумии отчаянья. Я знаю
неутоленный страх. Он нас убьет.
Уж лучше мне ослепнуть от желанья,
чем дать ему окрепнуть. О, молчи!
Мой ангел нежный, мы не видим сами,
каких глубин коснулись и каких
глубин коснулось прошлое. За нами,
как хвост змеи – забот влачится шелк.
Он нам мешает в пустоте вмещаться
и счастлив там, где высохли цветы,
где докричаться значит – задохнуться,
где нам нельзя по голосам узнать
границ и кто участники побега.
Он нам мешает сделать вдох один,
сорвать замки и выйти, выйти в небо,
и раствориться в нем, и прорасти
одной вселенной. О, мой ангел нежный!

«До невесомости легка...»

до невесомости легка
невнятная пока
идет последняя строка
идет издалека
из детства
из чужой беды
из ранки у виска
из медом брызжущей среды
из мук черновика
идет непрошено как вор
как страх и как тоска
как неизбывный приговор
последняя строка
за ней молва
за ней зима
за ними пустота
и чтобы не сойти с ума
чуть в стороне мечта
еще ее дымится пульс
но полон рот песка
и спит, давно уткнувшись в пульт
смотритель маяка
и некому золу смести
с казенного листа
зажата молния в горсти
и дальше – немота

Старик

По ночам крошится воля – то пьяня, то леденя.
Засыпая память солью, жажда мучает меня.
С ней старик под руку бродит и не помнящий родства,
речь о будущем заводит просто так, из озорства.
Ясновидящий калека, жрец хронической тоски,
кто ты, тенью человека в сад проникший воровски?
Хладнокровный искуситель, изолгавшийся мудрец,
эха вирусоноситель, переживший иск истец,
преклоняющий колени у колодца без воды,
жалкий, скорбный, черствый гений окружающей среды.
Ты же сам смертельно болен страхом завтрашнего дня.
– Ну а ты собой доволен? – обрывает он меня.

Подмосковная баллада

Катуар. Начало марта.
Желтый снег в ночи увяз.
Два барака, как две карты,
вырастают в горький фарс.
Сесть за эти карты значит —
окунуться в долгий сон.
Два барака – две задачи.
Жизнь поставлена на кон.

Занавесочки цветные —
разноцветная тоска!
Цедят песенки блатные
два бича-истопника,
водку пьют, играют в кости...
Обворованы до пят,
раскладушечные гости
лишь отчаянно храпят.

Занавесочки-гордыни,
подмосковные шелка!
Два барака – две пустыни,
две судьбы-черновика.
От фундамента до крыши
из беспмятных времен
поднимается все выше
список выжженных имен.

Одиссей

день болтается на привязи
мой и раб и господин
я без умысла и примеси
одиночества один

что мне делать с обалделою
от безделья тетивой
проступившей нитью белою
на судьбе моей кривой

паруса давно распроданы
льдом подернуто весло
день без имени без родины
ах куда нас занесло

крики чаек одичалые
спохватившейся тоски
да в туманах за причалами
безутешные гудки

Пограничная зона

Ты опять позвонишь и, судьбой наполняя слова,
будешь долго молчать, но и я не начну молиться.
И опять в проводах будет страхи баюкать молва
и пунктирной строкой выпадать на пустые страницы.

Столько лет не у дел, выдыхая тоску и хандру,
я ползу вдоль стены миражом золоченого рая,
иногда просыпаясь, чтоб водки хватить поутру
и вчитаться в сюжет нереально родимого края.

А проценты растут, и условия ныне жестче.
У Харона в гостях изобилье кровавой икры.
И когда позвонишь, я из жижи привстану, Отче,
и спасибо скажу за бесчисленные эти дары.

«В яме оркестру (теперь это видно) дана...»

в яме оркестру (теперь это видно) дана
мука ключа откровение нотной тетради
выпита жизнь и, похоже, до самого дна
всех этих «ля» и гармонии выдоха ради

кто там во фраке размахисто чертит круги
руки ломая, пытаясь за воздух держаться
в яме оркестру (теперь это видно) шаги —
каждый из тьмы, не должны на игре отражаться

выпали ноты убогой несущке в подол
что с ними делать она не признает и спьяну
ах, дирижер режиссер волонтер валидол
из перехода в метро – погребальную яму

Ностальгия

кажется мне вот немного еще поживу
все переменится, мир станет ярче теплее
белая лошадь под окнами щиплет траву
бродит старик по оставленной богом аллее

тянутся к солнцу скупые следы как мосты
в соде зрачков отражается то, что за взглядом
белая лошадь не прячет своей наготы
и поделом что никто не присутствует рядом

кто-то пророчит искусство мертво впереди
снег за окном и исчезли русалки с фасада
только старик продолжает беззвучно идти
по золотой чешуе монастырского сада

Чайный блюз

Сашеньке

мы сегодня одни тает август варенье горчит
и в подвале у нас поселилась домашняя кошка
J. J. Cale концерт как из прошлого тихо звучит
и по кругу почти ходит старая чайная ложка

терпкий чай ароматом снимает усталость в строке
и блаженствует дух в очищающей неге купаясь
и серебряный бог в окольцованной тайно руке
оживает на миг верхних нот осторожно касаясь

Придорожный миндаль

Пока не зацвел – неприметен миндаль. До поры
и мы для кого-то – подобия черной дыры.

Икона над словом. Дотянешься – мир и покой.
И хочется верить. И страшно от мысли такой.

Но, кажется, канет к закату идущий закат.
Живые снежинки – летим сквозь судьбу наугад.

И солнечным светом ажурная пенится шаль.
И сердце поет. И цветет придорожный миндаль.

«Я ВИЖУ ХОЛМ, ГДЕ ПАМЯТЬ ОБО МНЕ...»

я вижу холм, где память обо мне
еще не оцифрована в огне
коллекционном
где упав на спину
катает глину личный скарабей
Miles Davis нам играет на трубе
воздушную сшивая паутину

и памятью расплавленный закат
стекает на бумажный циферблат
на свежий холм
и дальше на равнину
куда еще не долетел песок
и жжет трава, сканируя висок
и солнца луч срезает пуповину

Мою колыбель раскачивал ветер Инеcса Ганкина. Беларусь, г. Минск

Ганкина Инесса Ароновна – родилась и всю жизнь прожила в Минске, окончила физико-математический класс, технологический институт по специальности автоматизация, успешно работала системным программистом всю эпоху застоя. Первые тексты появились еще в школе, но прекрасно осознавала внутреннее несоответствие себя с коммунистической идеологией, поэтому писала «в стол».

С начала перестройки «вышла из подполья», подборки выходят в периодических изданиях Республики Беларусь и США. Автор двух поэтических сборников, член Союза белорусских писателей.

В 90-е годы получила образование психолога и культуролога, с удовольствием работаю в гимназии, преподаю гуманитарные предметы.

Очень важная часть моей жизни – путешествия, музеи, театры и другие яркие впечатления. Часто тексты появляются как эмоциональный отклик на встречу с «другими»: страной, человеком, историей, артефактом культуры.

© Ганкина И., 2015

«Винный запах падающих яблок...»

Винный запах падающих яблок,
холм в овраг ныряет торопливо,
хоть спешить нам вовсе не престало,
лопается кожица у сливы.
Как душа таинственна у плода —
косточка или податливая мякоть,
говорят, ленивая свобода
бесконечна, а плакучей ивы
ветви гладят душу или тело,
все равно – смеяться или плакать.
И полны последнего предела
крест и полумесяц, торопливо
убегает пыльная дорога.
Милость выколачивать у Бога —
ах, убогость мелочной науки —
заслужить прощенье у разлуки.
Косточка царапается, в душу
шрамом, зарастающим наружу.
«Не нарушу, не обезоружу», —
бормочу, а голос тише, тише,
а душа, как косточка у вишни,
измельчала, слишком измельчала.
Хорошо, начнем игру сначала.
Винный запах падающих яблок...

«Маленький джем, за столиками...»

Маленький джем, за столиками
почти пристойно.
Капли пота на лысине,
маэстро, брависсимо!
Девочка тербит волосы,
кто-то мурлычет вполголоса.
Музыкант образует знак вопроса,
вместе с саксофоном
уплывает лет восемьдесят,
в Минске нью-йоркская осень.
Как уплотнился мир
до пяточка, на котором
столпились Петербург и Париж.
Осторожно, сгоришь!
Между зрителем и актером
расстояние сигаретного дыма.
Не пролетайте мимо
музыки, затертой до дыр,
полной столетней печали,
не пожимайте плечами.
А впрочем, спокойной ночи,
пустеют столики.
И последняя нота
провожает до поворота,
а потом сворачивается у входа
бездомной собакой. «Ты чья?» —
спрашивает прохожий участливо.
Музыкант спит в отеле,
а они все ждут хозяина —
последние ноты каплями пота
стекают по лысине у века.
Утро сметет все —
осторожно, крошки!
Дождя неизменна тема,
на лице человека тень
от надежд и сомнений.
Музыка выступает как
сыпь на коже.

«Мою колыбель раскачивал ветер...»

Мою колыбель раскачивал ветер,
неустойчиво теплый сменялся суровым,
казался безмерно далеким пятьдесят третий,
хоть порою сквозило стужей сорок восьмого.
Поколение выживших, выполняя заветы,
плодилось и размножалось. Над керогазом
сохли пеленки, а обсуждали при этом
спутник, проткнувший небо антенным жалом.
Полстолетия вместило столько поколений
компьютерных, что не хватит пальцев.
Окружены информацией, пролетающей мимо,
мы стоим на пороге будущего, где пялится
из пробирки геном Буратино.
С головами, повернутыми строго против
движения времени и фортуны,
мы стоим на ветру, и нездешний профиль,
и мелодии странность колышет струны.
Полстолетия вместило столько сомнений
и надежд, что, пожалуй, не стоит плакать.

Радуга

1

Радуга, утки садятся на воду,
косые лучи, замки из облаков.
Подростки кузнечиками
выпрыгивают из асфальта.
Мне не родня ни утки, ни скейты.
Небо пахнет акварелью,
как детство молоком.

2

Радость радуги через небо – дуга цвета.
Белый являет свою сущность,
Любовь разлагается на атомы,
все краски хороши, кроме...
Черный зонт плывет сквозь радугу,
здравствуй, завтра, где мы еще не были.
Радужная лужа окружена лягушками,
дня последняя капля высыхает сама,
окна вытерты насухо,
вечер все приведет к серому тону.
«Р» перекачивается в горле радостью,
картавит речью,
реальность реки растворяется в вечере,
переходящем в рассвет.

«Сумасшествие птичьё с утра...»

Сумасшествие птичьё с утра,
аромат свежескошенных трав,
это будет и завтра, ты прав.
Мы одни остаемся без прав,
из сейчас прорастает вчера,
у сегодня изменчивый нрав.
Вкус росы знают только цветы,
вкус слезы – может я, может – ты.
На висящем мосту пустоты,
придержи ты меня за рукав.

Красные каблуки

Сколько любви уходящей,
красные каблуки цокают,
в чаще мертвых растений
лампочки миром блестящим,
напоминают о годе новом,
что когда-то начинался весной.
Я забываю имена и даты...
Красные каблуки отбивают такт,
прощанье утрат, награды,
в виде белого танца розданы.
Красные каблуки в весенней распутице,
на тридцать женщин – трое мужчин.
Восьмое марта в безумии танца.
улыбнется подснежником, нежно.
Красные каблуки уносят за поворот.
Снег замечает следы судьбы.

«Слова пытаются выживать...»

Слова пытаются выживать
в подвалах и на антресолях.
Слова выходят голосовать
за свободу дыхания. Что ли
вы не слышите, как пьяны
шампанским каштаны.
Розовеет вишня
восточной невинностью.
Слова замешивают в тесте,
на дрожжах лирической дрожи.
Опасно есть с ножа, пока
острие поэзии снимает кожу
с любого языка.

Фотографии на память

Путешествие остается в воспоминаниях. Пролыстывая прошедшие впечатления, одним нажатием кнопки воскрешая формы и краски далекой страны, мы с легкой печалью оглядываемся назад. Там, вдалеке, остались ароматы восточного базара, гортанное звучание речи, смесь племен, красок и звуков. Израиль разноцветен, как человечество, вышедшее на одну площадь. Зарисовки не претендуют на многое и подобны фотографиям на память.

1. Тель-Авив, Яффа

Город, по ступеням сбегаящий к морю,
Яффа фыркает кошкой.
Выгибающая спину арка времен Рамзеса
не более чем декорация к Торе.
Муэдзин соревнуется сам с собою,
в заунывной мелодии ломтик дыни
качается в небе лодкой.
Рыба, не ставшая селедкой
в бочке, пахнет свежую солью.
И проплывает вдоль набережной,
фрегатом с поднятыми парусами,
время, отражающее себя в людях,
тысячекратно повторенное эхом,
время с головой, отрубленную на блюде,
время плача и смеха.

2. Эйлат

Павлиньи перья пальмы пахнут морем,
шуршит песок, и шишка-ствол
густеет африканскою смолою.
Гортанный говор и журчанье струек,
курортный гомон полон поцелуев.
Морская рябь пестра – многоязычна
плывет толпа, надутая величием,
сквозь шопинг, словно парусник по водам.
Лишь кошка независимо и дико,
бредет на стыке вечности и мига,
походкою пружинящей и гордой,
являя миру полную свободу.

3. Рош-ха-Никра

Электричество делает путешествие безопасным.
Море в скалах безнадежно устало рокочет,
наверное, хочет рассказать бесконечно малым
смертным о черепахах, тяжело роняющих яйца в почву,
о снах летучих мышей, в пеленках перепончатых крыльев.
Я говорю «ау» тысячекратному эху,
Пенелопа в мобильник роняет минуты смеха.
В точке пересечения трех континентов,
Европа впадает в Азию, Африка дышит хамсином.
Еврейская радуга собрала в фокусе человечество,
сама не признавшись в этом,
на качелях Бога взлетая, между величием и бессильем.

4. Иерусалим

Кошки ходят неслышно, и птицы поют о своем.
Им шабат – не шабат, первый день и седьмой равноценны.
Эти плоские крыши настроят живые антенны,
а горбатые крыши две свечки зажгут за столом.
Гость незванный и званный пленится субботним теплом,
будет время неспешно бежать голубым ручейком
и вливаться в Кедрон смоляной и густеющей пеной.
Гость незванный и званный, пора собирать чемодан,
первый день предъявляет сурово свои полномочья,
начиная движение с ночи, зеленым ростком
расцветает душа, начиная движение с ночи.

5. Иерусалим

Гефсиманского сада оливы попятнулись вспять
и живут за решеткой, по мелочи распродают
остролистую зелень за шекель, а благодать —
приживалкой в углу, словно нищий в холодном трамвае.
Крепко заперто место последней молитвы Христа,
монастырь стережет, огрызаясь, как злая собака.
Что ты ищешь здесь, путник? Поделена и залита
кровью, потом, слезами земля. Ожидается драка
за надгробье, за ломтик луны и за тень от креста,
в первый день, в день шестой и в седьмой, ожидается драка.

6. Минск

Сердцевина у яблока, семечко, центр Земли —

этот вздыбленный город, торгующий духом и телом.
Этот Ноев ковчег, покоривший иные пределы,
всеземной караван, утонувший в пустынной дали.
Дни, мелькая пылинками, в камни столетья вросли,
на фундаменте древнем возведены новые стены,
терпко пахнет базаром, возможно, грядут перемены.
Вереница народов вернулась на круги свои.
И в автобусной пробке въезжает в Иерусалим
долгожданный Спаситель, давно ожидаемый всеми.
Чуть потрепаны джинсы, кроссовки в пыли,
молчаливый подросток, чей клоунский рыжий парик
веселит даже кошек и, в общем, совсем не по теме,
он в Шагаловском небе беспечно и юно парит.

«Я сбиваюсь со счета...»

Единственный член Союза белорусских писателей Григорий Релес, всю жизнь писавший на идише, просил своих гостей: «Друзья, а теперь давайте поговорим немножко на идише».

Из воспоминаний

Я сбиваюсь со счета,
суббота —
не время для плача.
Нет следов
на камнях,
и грошовая сдача
заменила наследство.
Горят мои детские книжки,
говорите аф идиш...
Как пес-полукровка,
я не помню родни.
Костью в горле застряли
слова, и неловко
царапают память они.
«Маме-лошн» не знает меня,
но, в наследство вступая,
шевелю непослушно губами:
«Прости и прими...»

«Челюсть вывихнута...»

*История – это гвоздь, на который
я вешаю свою шляпу.*

А. Дюма

Челюсть вывихнута
от удара времени,
кладбище беременно
вечностью, камни
теряют буквы, форма
становится корнем зуба,
больного беспмятством. Боже,
трава помнит больше,
чем люди. Гвоздь заржавел,
а шляпа все падает
в яму. «Ребе,
как там на небе?»
Камни вырастают
в землю как дерево.
Здесь не читают
справа налево.
Горше польни
молоко памяти.
«Козленок, где твоя мать?»

«Возьмем лепешку, создадим объем...»

Возьмем лепешку, создадим объем.
Чуть кособоко и порой нелепо.
У ангела есть небо,
а у неба дыханье жизни.
Человек теплом согреет плоть
животворимой глины.
Кудрявая головка херувима
цветку подобна, и вдыхает Лина
кармическую заповедь любви
в беспечные смешные колокольцы,
а мир, наполненный зенитным солнцем,
уснул в тени. Собаки спят и дети,
течет неторопливая беседа.
И времени бегущая струя
зависла и сгустилась до мгновенья,
звено в цепи – от выдоха до вдоха,
отброшены сомнения,
жизнь – объем и форма,
та, что сами придаем.

Август

1

Если вас не зашибет падающей звездой,
то пряность травы откроет значенье простых вещей:
колючек каштана шоколадную сущность,
серебряный дождь плакучей ивы.
Одиночество имеет свою цену —
шепота ночной бабочки с закрытым бутонем.
Деревянная скамейка одарит теплом и
замерзшая в дневной суете слеза найдет свой путь,
как звезда на августовском небосводе.

2

Прощание с летом полно печали,
август оставляет в траве желтые кляксы,
собака ковыляет всеми четырьмя,
зеленый чай не утоляет жажды.
Возьми меня вдаль,
но ты лишь киваешь.
Паутина застряла в наших волосах
предчувствием снежной зимы.

«Карусель, растянутая по вертикали...»

Карусель, растянутая по вертикали.
Мы висим напротив друг друга.
В этом мире радость равна печали.
Все укроет летняя вьюга.
Четверть часа движения против правил,
ткется время огненной спицей.
Дребедень проблем как пыльцу сдувает,
если сверху окинуть лица.
Закружит нас в пространстве временном
прекрасно-страстное колесо обозрения.

«Мерцание струек, зеленая кожа металла...»

Мерцание струек, зеленая кожа металла,
купаться в фонтанах у статуй привычка такая
старинная, что не упомнишь начала.
Ленивые стрелки торопятся или отстали —
неведомо, день затухает и бредит устало,
бродя по аллеям старинным, влюбленная пара.
Ей чудится вечной минутная дрожь, не пристало
возвышенный бред ироничным разрушить кинжалом.
Воскресное время мурлычет котом на диване,
уходит столетье, а новое тихо предстанет
блестящей на солнце листвою и прелестью ранней,
влюбленную парой наивной, луною в стакане —
кусочком лимона и смехом полночным счастливым,
и с привкусом счастья улыбкою плачущей ивы.
Мерцание струек уносит мгновенья и годы,
зеленая статуя стала подобьем природы
и корни пустила, под снегом дрожит как живая,
потеет на солнце, сосульками плачет весною,
зеленая статуя в парке над серой рекою.
Безмолвная статуя – мы породнились с тобою,
вросли в берега, где рябины краснеют печально,
предчувствием осени полны, и только отчаянно
безумные чайки кричат над пустою водою,
да стаи ворон на закате, грядущей бедою
полны, но мерцание струек,
но шелест листвы и луна... В мотыльке поцелуя
мерещится вечность, и в струях безумных фонтана
купается статуя, жизнь согревая дыханьем.

Рыцарь письменного стола Рита Мурашова. г. Краснозаводск, Московская обл

Рыцарь письменного стола

Он любил покрасоваться, малость побахвалиться: характер-то рыцарский, а рыцарство это всегда некоторая похвальба.

Юрий Трифонов

Во избежание стандартных «родилась, закончила, работаю» и предупреждая дальнейшую (в стихах) нескромность, предоставляю слово тоже Рите и лучшему другу. «Мой лучший друг. Идеалистка? Наверное. Бунтарь? Немного. Своеобразная? Определенно. А еще это искренний и добрый человек, который всегда придет на помощь, на которого можно положиться, умеющий сопереживать и прощать, но которому иногда немного не хватает уверенности в себе.

Она любит овец и сов, много читать и пить чай литрами.

Любит слушать самую разную музыку (всегда) и петь (иногда).

А еще может питаться сладостями и весь день ходить по дому в пижаме.

Не терпит насекомых, заносчивых и непунктуальных людей, а также несправедливость в любом проявлении.

Пошла бы я с ней в разведку? Не задумываясь».

© Мурашова Р., 2015

Девочка в шаре

Пишу на бумаге тебе:
«Запечатана намертво!»
Но —
искажение! —
не понимаешь фразы,
как не поверил сразу...
А я заперта
по своему позволению
и своему приказу.

По моему же заказу
шар этот выдут,
как
мыльный пузырь,
но хрустальный,
от прикосновенья
звонящий.
Как можешь увидеть,
даже тюрьма моя —
с выдумкой,
а не какой-нибудь там
зарешеченный ящик.

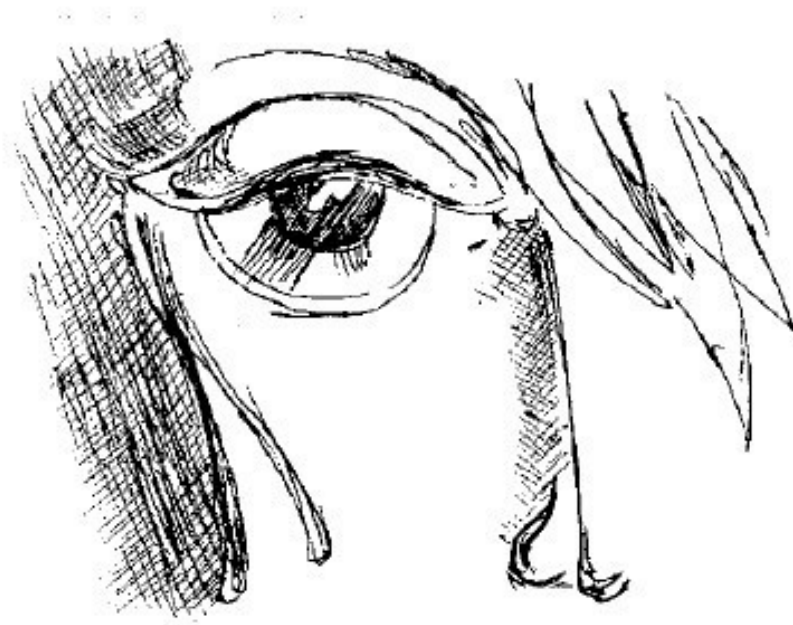
Больше никто меня
словом не ранит —
слышно не будет!
В сфере углов нет —
меня не загонят
в угол!
При утихающем —
мной усмиренном! —
сердечном зуде
одними губами:
спасибо!
Как главному
стеклодуву.

А пальцы твои
повторяют узоры снаружи,
ныряют по впадинам,
трещину ищут напрасно...
Ну же!
Разбей!
По-другому покой не нарушить!
Где же угроза

хваленой моей безопасности?!

Я поднимаюсь сама,
улыбаюсь из шара.
Ты мне дорогу даешь,
чуть назад отходишь.

Этого —
слишком мало,
ведь с каждым шагом
он только катится
мне в унисон...
Всего лишь.

Рассвет

Электричка в броне,
как подержанный рыцарь в латах,
отдышаться на станциях просится
и в конце пути.
Подмосковье мое —
сплошь с утра бородато.
(То ли оно от тумана такое,
то ли от мудрости...)

Я сейчас воспую
бытовое и мелкое:
торопливость чая с утра
и воздух свеж,
полусонных граждан
и бодрюю белку,
штурмовавшую дерево
около станции Радонеж;
до семинара дремавшего в сумке Байрона:
«...К их сокровенным тронам! —
писал он. —
Прах!..» —
вкралось высокое...
Думать о нем —
еще рано нам,
нам бы еще соснуть
в густо свежих сумерках...

Только придет Оно.
Растворит туман.
Мы поспешим демонстрировать
беличью прыть.
Мы разберем
обрусевший текст «Каина»... —
только придет Оно —
мы пустимся жить!..
Только придет Оно,
победившее в поединке,
только взойдет Оно,
ежедневное Солнце...

Я опасаться вдруг стала,
как древние инки:
вдруг не вернется?..

Из банки

За добровольным «железным занавесом»,
в банку запрыгнувшим помидором
гляжу через дымку стекла,
в маринаде вся.
Это не шутки вам —
взгляд помидора с укором!
А я захотела сама,
чтоб завинтили крышку,
мариновалась охотно
к другим красным пленникам.
О, как замечательна толща стекла —
не слышать!
не слышать вас,
свежие,
больше не верить вам!
Растите на грядках,
пейте подземные соки!
А я —
чем нужно —
иначе,
как надо —
иначе!
А я —
на взрытых полях этих —
как проигравшийся брокер,
с биржи да в банку,
не в банк...
Но стекло прозрачно,
и —
нам ведь тоже светло,
и нас припекает,
то есть наш плен и не так чтобы
слишком грустен.
Каждый из нас бесконечными мыслями занят,
каждый из нас готов —
пусть его надкусят!
Нам в ожиданье томительном
впитывать как-то не можется.
Нам бы на стол посолидней,
чтоб не напрасно.
Чтоб в пасти Истории
после
вспоротой кожицы
вкусом,
как эхом,

отдаться
и брызнуть
красным.

Особые войска

Какая это честь – стоять на страже,
сердечной страже чьей-то. Каждый стук
фиксировать, учет вести им, даже
распознавать пришедших: враг иль друг?

А если будет нужно, вскинуть дуло
надежного и близкого ружья...
Не спать! – дремать лишь, скорчившись, со стула
сползать и падать... «Что же это я?!» —

опомнившись, воскликнуть и с дозором
вновь обойти в зеленой – в цвет глазам! —
шинели все – от пустыря до бора,
приветить всех – от голубя до пса...

В ряды такие всяк не будет годен:
сплошь добровольцы – в этаких войсках!
Я среди них: выпрашиваю орден
за героизм – последнего броска.

ЕДИНОКНИЖНЫЙ

*...Для себя и для другого – только тени,
Для читающих об этом – только рифмы.*

М. Цветаева

Он был странен:
ночами не спал
и соседей будил
громким возгласом,
вдруг,
о чем-то вспомянупом.

Про него говорили,
что он – нелюдим,
ну, а он-то
всего лишь
не шел на попятную:

он людей заносил изначально
в два ясных столбца —
в плюс и минус.
И далее
плюсом отмеченных,

представлял себе всех —
под занавес,
у конца
пути своего земного —
отрезка вечности.

Престарелый ребенок,
двадцатых своих годов;
суеты вокзальной
поклонник,
обожатель
заброшенных станций...

Пламень солнца ему был —
призыв,
фосфор лунный —
зов.

Снисходительный
к стольким вещам

и готовый придраться!

Мне в наследство
кроме:
полночный его бред,
черный
чайноголизм,
кровля рваная
кленов
рыжих...

Старший друг мой невиденный
и —
мне роднее нет! —
старший брат —
не единственный! —
Едино книжный.

Его ремесло

Теперь я воюю.
С той самой даты.
Отринув изгибы
поникших плеч. —
То он мне сковал
серебристые латы
и —
легкий в руке моей —
острый меч.

И он же
в отряде
моих раздумий
суровых
ратников
снарядил...
Две армии —
в братской крови
тонули,
он —
битву сковавший —
а был невредим.

Вернулась.
Живая.
«Какую другую,
кузнец,
снарядите
и следом —
рать?
Поправьте
коня драгоценную сбрую
и тесную Вашей руке рукоять
меча моего
Вы потрогайте,
ну же!
Ах, как Вам —
уверена! —
повезло:
другие —
от Вас —
по кровавым лужам... —
Какое гуманное
ремесло!

А все же мне жаль Вас:
дорогою дальней
не манит нещадная битва
ничья.
И в Вашем жилище —
одна наковальня
еще горяча.

«Бороться...»

Бороться
с этим!
Леса прогибая плечом,
озера с морями и реки шагая вброд.
Внутри,
с собою —
как борются с саранчой
в масштабах страны,
призывая к борьбе
народ.

Чтоб, с верным пафосом
все ороша поля,
спокойным жестом поправив за ухом прядь,
насмешки и гордости
весь израсходовать
яд
и с чистой совестью,
пафос согнав,
сказать:
«Наши поля спасены,
голод предотвращен...»

В ставшей великой шинели сойти —
вождем.
Всех своих дней грядущих.
И прошлых еще —
тех усмиранных бедствий,
в которых и был рожден.

Бороться
с этим!
И этому весть учет.
Вспомнив невзгоды,
всех прочих опередив,
первой смеяться.
Пусть память их извлечет
и за ненужностью
буднично
сдаст в архив.

«Будь разночинцами с ним в девятнадцатом, то бы...»

Будь разночинцами с ним в девятнадцатом, то бы
разными вышли, как, впрочем, и вышли сейчас.
В книжном шкафу по ранжиру бы высились томы,
мой составляя писательский иконостас.

Он бы служил... правоведом, пожалуй: в сем чине
было б раздолье ему затянуть пояса
более чем, он ведь любит себя и поныне
сводом законов своих ограничивать сам.

В дымных бы комнатах я, подперев подбородок,
слушала ярые споры неглупых мужчин,
так же, как он, молодых, но среди которых
он бы не спорил, отличный от прочих, один.

Он бы забрел за компанию с кем-нибудь в местный
мысли вертеп, собираясь скорее назад.
Может, впервые мне спор показался бы пресным!
Может, впервые ничто не хотела б сказать!

И, промолчав, чуждый всем политическим смутам,
буркнул бы только: «На кой они Вам сдались?..»
Я б возмутилась, конечно, но с той минуты
что мне с ним рядом какой-нибудь социалист!

«Воля», «земля», «революция» были... Вдруг – нате!
Нате, народница, Вам не присущий покой...
«Верно, пусть лучше пребудет со мною фанатик,
чем Вы, такой, не сживетесь со мною, такой».

Виктору Гюго

Упрямым камнем сотен баррикад
в сосудах возбужденного Парижа
я жду; и вот уже звучнее, ближе
гвардейских ног реакции набат.

И думаю, примкнув своим плечом
к соседу (мы сроднились тут, в отряде):
повстанцев вождь – всегда на баррикаде,
монарх – всегда как будто ни при чем.

«О, как бы мне хотелось говорить
с самым тобой, носитель алых мантий!»
Но не язык, а резвых ног под платьем
моих нужна в бою нещадном прыть.

И выученным следуя азам,
взбираюсь я, насколько хватит шага,
чтоб заалело полотнище стяга,
пока враги не выдавили залп.

«О, как бы мне хотелось не ценой
гвардейцев ли, повстанцев жизнью сотен,
лишить тебя короны! Как ты против
потерь монаршей власти надо мной!»

Но мне в покоях сказочных дворцов
охоты нет искать себе покоя —
уж лучше быть зажатой синим строем
мундиров в огнестрельное кольцо;

уж лучше крик: «Монархию – долой!»,
чтоб супротив – орудия вспылили...
Я – Франция времен Руже де Лиля,
где всюду – бой.

Отпущение

Репей не виноват, что он – репей,
что он придирчив так и часто склочен.
Пленят другие тонкостью стеблей
в оранжевых, он же – вдоль обочин
цепляет только тех, кто сам мешал
ему расти таким неприхотливым.
Не виноват! Как вздорная душа —
моя, с досады жгущая крапивой.

В пути сдавалась, рухнув наконец
к его корням... А сколько было прежде,
ершистыми цветами чтоб венец
носили и колючки – на одежде?..
Репей не виноват, что он – репей...
Но в черноземном сердце – чую – завязь
желанья непроторенных путей!
Чтобы – не вдоль и чтобы – не касаясь.

Who wrote Holden Caulfield?¹

Эй, вечный Колфилд, покуда взрослеет мир!
Холден, приятель, мир молод душой покуда
и, смерив юношей долю нью-йоркских миль,
он задается вопросом, где утки с пруда;
и выбирает пока из лошадок двух
ту, что жует овес – не галлон бензина
жрет по высоким ценам;
а Сэлинджер Джером
трубку берет и болтает так просто, как друг;
эй, вечный Колфилд, покуда в десятках мест —
ведь не в одном же Нью-Йорке такие мили —
истины трудных подростков имеют вес,
пишут тебе: я пишу тебе, пишет Билли².

¹ «Кто написал Холдену Колфилду?» – песня «Green day».

² Билли Джо Армстронг – вокалист «Green day».

Как провожу лето

...А мальчик вырос: деятелен, деловит,
и это ему идет, и он мне такой по душе,
и я им горда, и даже не так уж злит,
что я без него, без милого, в шалаше;
что я не могу сказать, ему в том числе,
чем примечательно лето мое, ползет.
Пусть новизна – ему, а мне врать зачем?
Вся – у корней, пусть другие идут на взлет;
вся – у земли: я два раза была с отцом,
повоевала – там все заросло репьем;
за бесполезное лето лишь выгорело лицо
в рамке и за стеклом, так похожее на мое.

Из библиотеки

Любимый мой! Юный сентябрь. Лучший месяц за то,
что умерло вовсе не все иль погисло не вовсе
и что, не покрыв головы и пока не увязнув в пальто,
в желаньях скромна, вся подладаясь под раннюю осень:
едва ли прошу у такого тебя оголенности веток,
бравурности алого цвета дерев, листовой позолоты...
По-зимнему скован и бел был далекий твой предок,
возможно; пусть ты невиновен: лишь вышел в него ты.
О, можно еще не запрягивать книжки, покуда
хранит чистоту и не тучно, безоблачно небо,
каким я люблю его, чтоб без фантазий. Неруда!
и мне, рыжий томик, земное подай на потребу!
Щенка двортерьера, что, родственность нашу учуяв,
за мной увязался и трусит, как я за тобою два года.
Но платят за преданность разве? Ведь будто плачу я
щенку колбасой – не берет! Что поделать, такая порода.
О, нужно быть проще, как в том разговоре старушек,
одна из которых, древнее, просила другую с балкона
купить ей пломбира! Пусть, если покой твой нарушу,
то только в святой простоте; наносное – за боны!
Любимый мой! Юный сентябрь. На древе надежды
еще не опали все листья, молящие цифр, но – в строчку.
О, весь этот ворох бумажный, подножный... не кончится
прежде,
чем ты будешь кончен.

Первое

*Это будет леген... подожди,
подожди... ДАРНО!*

Он – как сорняк, заплонивший поле
моей, тобой возделанной, души.
Хочу швырнуть ему в лицо: «Доколе?!»,
а получается пролепетать: «Как жить?..»
Чему хочу учиться? Аппетита
к тому, что есть я и со мною есть —
из вежливости чуть, и так претит мне
доверием оказанная лесть
ему. А ты – отзывчив простодушно
на каждый и нечаянный молчок!
Как я ночами плакала в подушку,
как сердцу становилось горячо
и голове, все силлившейся разом
всю душу выполоть, чтобы и след простыл
его побегов. Чтобы одноглазым
подсолнухом, веселым и простым
взросло. К тебе. Я тороплюсь с вокзала
на тротуара полосе цветы, цветы...
охапками. А мне недоставало
для одного
души
всей широты.

День Памяти в Болгарии

...И только море Черное шумит.
А мы в двенадцать замерли, молчали.
Пять дней болгарских было за плечами,
и на шестой день вдруг такой пиит!
От Христо Ботева – на памятнике павшим,
взор к небу поднимаете – и вот:
Кто за свободу дрался, мол, и умер даже,
тот никогда в народе не умрет.

Я замираю с мыслью о советско —
болгарских флотских силах, что давно
погибли тут, завидую, что детству
не моему столкнуться суждено
с такою былью прошлого... Едва ли
сейчас представить сходу я могу,
как три бойца так рано умирали
на этом живописном берегу.

«Здесь розы чтут, а маки не при деле...»

Здесь розы чтут, а маки не при деле,
в пыли, склонясь, алеют у дорог.
Так и душа моя в моем усталом теле
поникла, от разлуки на пределе...
О, поскорей отбыть болгарский срок!

Будь не в обиде, щедрая страна!
Спасибо за твое гостеприимство,
но не отвыкнуть: Родина – одна,
и, хоть немного времени для сна,
мой мальчик успевает мне присниться.

Здесь розы чтут, но маки мне, однако,
гораздо пышных запахов милей.
И вот, вроде провидческого знака,
растут, слезами черными накапав
из чашечек... Дороги же – к тебе.

Когда я Сольвейг

Когда я Сольвейг, воздух свеж и сиз,
колюч от лап пронзающих деревьев
и заштрихован – так, что только из
зверей кому возможно выйти к двери.

Когда я Сольвейг, чужды города
душе моей, оскалившейся дико,
прозрачной, как озерная вода,
и плачущей, как тает кубик льда,
от в соснах заблудившегося крика.

Когда я Сольвейг, голос твой дрожит,
дурной мой Пер, гонимый злой молвою.
Позволь мне, друг, твою заштопать жизнь,
брат нелюдимый, здесь расположись —
в тепле огня и терпком духе хвои...

Когда я Сольвейг, ты – уже не плох,
совсем иное я пою отныне:
пусть люди знают, Пуговичник, Бог,
что путь мой солнечный и лыжный непрерывен!..

На маяк

До сих пор впечатление, будто выходишь к доске,
до сих пор вызывают, и жизнь преподносит уроки
в ежедневном зубрении... В кровь обиваю пороги,
ты в тумане одна – яркий флаг на моем маяке
в красном платье своем выпускном... Почему до сих пор,
по какому велению, богов каких проклятой воле
мой бумажный кораблик так редко находит свой порт?
Потому что тебе не понравилась книжка Пиньоля?

Мой смотритель, поверенный всех моих мизерных дел,
я в шторма пробираюсь на свет, катастрофы минуя!
Буревестник садится на тонкую руку к тебе —
это я окунаюсь в густую житейскую бурю.
Это я рада встрече и счастлива дружбе, когда
крики чаек пронзительны над воцарившимся штилем...
Маякни! – По колено мне будет большая вода!
И приду, как столетьями в гавань суда заходили.

Д'Арк

Ты ныне выдумана или позабыта
окажешься, как канувшая ночь, —
в моих мечтах всегда стучат копыта,
а Францию не в силах превозмочь
враги, пока ты войска во главе
и у Христа за пазухой. Живая
в моих строках: и не забронзовев,
и до агонии, предательски сгорая.
Не меркнет блеск твоих серебристых лат,
и знамя вслед вовек не потускнеет.
У завоеванных оказывалась врат,
и покорились райские той деве,
которую Набоков обожал³,
как ночью с нею бывший лотарингец,
которая, пылавшая душа
такая же, сестрой была Марине⁴...
Как скромн рядом с их стихами мой,
едва выходит должная осанна!
Крести меня мечом, склоняюсь, Жанна!
Пребудь со мной и страстной, и святой.

³ В. Набоков – «La bonne loggaine» («Прекрасная лотарингка»).

⁴ М. Цветаева – «Руан».

На 30 декабря

Шагать, бодрясь, по ледяному насту,
без сна, не признавая полумеры,
от белой мглы не опуская век...
Не сдамся Королевы Снежной царству,
пылающая нежностью и верой
так, что и на подлете тает снег.

Когда мне с ним и день нещадно краток,
малышка перед страшным словом «Вечность»,
что не мираж в пороше, вдалеке...
С любимым – не любителем перчаток —
могу, подняв забрало, ей навстречу
идти и руку греть в своей руке.

Капризам Герды рьяно потакая,
живет мой Кай, а я его из плена
спасать берусь. Дворца холодный свод
не устрасит! Футболка намокает
в районе сердца, оседают стены —
я так его люблю, что тает лед.

Неявный диалог Илья Бондаренко. пос. Скуратовский, Тульская обл

Я пил чай из блюдца,
Пил из чашки,
Пил из кастрюли
И черной канистры,
Пил в людных местах в манжетах.
И где не было никаких людей.
Пил, сидя верхом на танке,
Пил на блошином рынке,
Я выпил весь чай.
Я выполнил свой долг.

© Бондаренко И., 2015

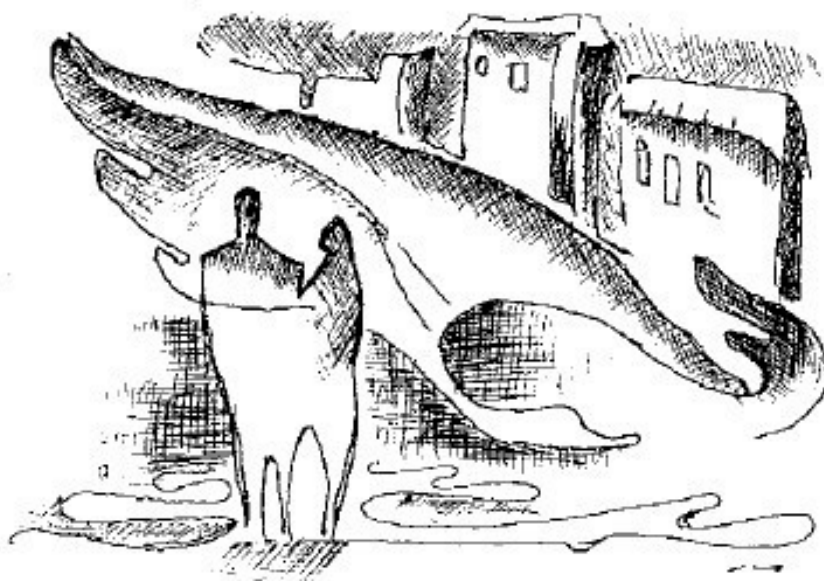
Букет

Мы виделись раз в неделю,
Я без нее дичал.
И пуговицы летели,
Когда я ее встречал.
За полчаса до экспресса
В груди ускорялся ритм,
Ее приносили рельсы
И не было больше рифм.
Я в тот бесконечный вечер
Заранее знал вагон,
И поезд ведром картечи
Просыпался на перрон.
Тогда протолкнувшись ближе
К вагону и в муть окна
Смотрю сквозь стекло и вижу
Она выходит! Она!

И красный букет небрежно
(А я гляжу на нее)
Она вдруг бросает между
Матрацами на белье.
Осиленная неделя
Под ворохом разных дел
Назло текла еле-еле
Я ждал ее и хотел.
Мечты разлетелись пухом
Лишь яркий букет пестрил,
Насыщенный мерзким духом
Того, кто его дарил.
И в это мгновенье сгинуть
Владела мной мысль, уйти,
Чтоб горько смотрела в спину,
И чтоб кричала «прости!».

Народ, проводницы, сроки
Свиданьям и отпускам,
Но огненные потоки
Текли по моим щекам.
И где-то тогда томился
Главенствовавший ухажер.
Тут поезд остановился
Как взгоряченный хор.
«Что, ждешь моей теплой встречи...» —
Подумал, ступив назад.
Но выдавив «добрый вечер»,

Я вдруг опустил глаза.
А после темно и тошно,
И горечь во мне цвела
Ужасно взбесило то, что
Она и не поняла.
Шепнула: «Привет, любимый?»
Я ждал, что еще соврет,
Вокзал гремел Хиросимой,
И-и... – мы пошли вперед.

Два пассажира

Два пассажира спорят, не давая
Друг другу досказать в трамвайном гаме.
Едва один откроет рот, зевая —
Другой туда уместится с ногами.
Два пассажира видных, как жар-птицы
На жердочке последнего трамвая.
Прикладываясь с горлышка к водице,
Оттаявшей у старого сарая.
И в черед незначных остановок
И в пепле остывающих моментов
Черпают мир ковшом из установок
Успевших запылиться аргументов.
Два индивида в остром нетерпенье
Не соглашаются о сущности либидо
Живые образцы совокупления
Другими представителями вида.

Игра

Двор. Железный жираф. Зябко и тряско.
Этот меткий мороз снова целит в суставы и кости.
Невидимые футболисты то и дело поднимают пыль.
Деревья ведут неторопливую беседу:

1 – е д е р е в о:
Я полон внимания.

2 – е д е р е в о:
А если так?!!
И швыряет на стол лист с пятью заостренными
вершинами.

1 – е д е р е в о:
Нас не пугают злые погоды.
Не восклицать нам робко: «пальто бы...»

3 – е д е р е в о, пропуская ход:
Азарт хорош для молодых,
Мне надо фору, передых.

1 – е дерево, сбрасывая еще 2 листа:
Слушайте все, что я могу насвистеть на толстых и
тонких струнах.

Ветер усиливается.

1 – е д е р е в о:
Я пою.

2 – е д е р е в о:
Во вдохе – жизнь,
А выдох смертен
Шашлык Земли
Одень на вертел.

1 – й П р о х о ж и й:
О ветер, ветер, будь здоров!
И в барабаны бей ковров!
Деревья могут только тихать
А гонги временные – лихать.

3 – е д е р е в о, роняет тонкую ветвь с тремя желтыми листьями:
Душа глядится в кляксы луж
Я выиграл! – Козырный муж!

1-е дерево закатывается мелким хохотом листьев.

3 – е д е р е в о:

Сейчас, тогда, в любое время,
Слаба, беспомощна мораль, —
Что толку ставить ногу в стремя
Когда тебе кобылу жаль!?

2 – е д е р е в о:

Конец – всегда конец.
Вы слышите, где-то играет песня?

1 – е д е р е в о:

Трубы загробное мычало
Милей, чем Юлия Началова.

3 – е д е р е в о, указывает 2-му на 1-е дерево:

Он милый парень, переливается черно-зеленым
в пробирке двора и водит хоровод созвездий.

2 – е д е р е в о:

Певец! Певец!

1 – е д е р е в о:

Я не больше певец, чем ветер, дождь или солнце,
чем волна, окатившая склон. Каждая песня что-
то значит. Без нее не полно существование.
Тишина – певец, без нее не было бы пауз, и все
звуки смешались бы в единый гул. Я не знаю, что
есть такого ценного у вас. Я Пою – равно – Я
имею.
И силой буйной кроны выбью
Сухую пробищу двора.

3 – е д е р е в о:

И что видно наверху?

1-е дерево:

Там птичий звон небесной пылью
Разносит в облаках «Пора».

2 – е д е р е в о:

Тускнеют солнечные нити.
Он был моим, теперь ничей.
Ладонь листа в кулак сожмите!
Казну оставил казначей.
Теперь казнит и строит козни.

1 – е д е р е в о:

Казнить надумал – так казни!
Только, чтоб не было возни.

3 – е д е р е в о:
Без боли – нет смерти.
Проверено! Верьте!

2 – е д е р е в о:
Так, значит, конец?

2 – й п р о х о ж и й:
Дворовый детский стадион
Что молодость – лишь слайды, клипы.
Она закончилась, как сон,
Раскланявшись со мной у липы.
Что здесь осталось? Только стужа,
Болезни, предвкушенье бурь.
Что бьет в нас изнутри наружу,
Мы бьем назад – снаружи внутрь.

2 – е д е р е в о:
Что слышу братья, слышу и немею —
В своем богатстве сам же погребен,
Кружба ворон над всем, что я имею,
И цвет листа уже здесь ни при чем!
Усиливается холодный ветер, начинается дождь.

2 – й п р о х о ж и й:
У каждого окна... нет, точно, у каждого окна —
предметы хвастовства одни и те ж. Оттого окна
сделались похожими друг на друга.
Да я и сам уже не могу понять, что такого особен-
ного сам в себе имею.

1 – е д е р е в о:
Этот человек – эквилибрист. Его страхуют фа-
келы и вертел. Он задается похвальными вопро-
сами.

3 – е д е р е в о:
Нет. Его черные пальцы никогда не лягут на
белые клавиши.

1 – е д е р е в о:
Чтобы подпрыгнуть – нужно оттолкнуться от
дна!

3 – е д е р е в о:
Он носит под одеждой труп.

1 – е д е р е в о:

Нельзя избавиться от болезни, не осознав, что болен!

Я хотел бы посвятить ему свою песню.

2 – е д е р е в о:

О чем вы говорите!? Склон – полог! На нас уже двинулась северная лавина!

1 – е д е р е в о:

Я имею то, что я пою. И больше здесь ничего нет.

Я пою для него.

2 – е д е р е в о:

Лес костенеет, ребра качаясь, трещат.

Вода стекленеет. Восход солнца – дощат.

1 – е д е р е в о:

Ты сгустил краску небесного холста. Все небо затянуло.

3 – е д е р е в о:

Ш-ш-ш...

Лето уснуло.

3 – е дерево про себя:

Это случилось не раз и не два.

Что мы имеем —

В морщинах коры

Кольцами дыма вьется в года,

Конец и начало игры.

Инструкции к стулу

Где взять инструкций к стулу и чай Ван Гога?
В желтый стакан – искусственной бы заварки...
Последний десяток лет я сплю плохо
Неподалеку тут, в сине-зеленом парке.

Обычным служакой, вяло бреду со смены
В серых ботинках, стоптавших седое лето
В почте, не доставляющей перемены,
В поле подсолнухового рассвета.

Автопортрет не старится, там мне тридцать.
Я уже знал, как остается мало...
Мало цветов заблудится в море ситца,
Бросившись с нервной кисти на покрывало...

Короткий полет

памяти ШМ

Логичная клетка заполнена сажей,
Разряженный воздух и слезы сиделки,
Где в области сердца пахнет пропажей —
Я пью бессердечные посиделки.

Короткий полет видавшего виды,
Штурмующего закаты пилота;
Штурвал от себя и шлоки из Гиты
В колючую проволоку восхода...

Медный всадник

Пылится... нет, не местность – время
Мне отведенное. Торг неуместен.
Нога тверда, чтобы качать ей стремя,
А может, чтоб верней стоять на месте.
Я нагоняю пыль – оживший всадник,
Вонзивший шпоры в медь глухим ударом,
И стоны верст летят за виноградник,
Но как украсть дающееся даром!?

А суета повсюду: сбоку, сзади
Сопровождает от рождения до смерти,
И медный конь дрожит под весом клади
В стандарте карусельной круговерти.
Я сбился с времени и заблудился в датах,
Терять – пустяк, страшнее – оглянуться.
Я начался в истоке циферблата
Чтобы в конце пути туда вернуться.

Нет смысла ехать к океану

Нет смысла ехать к океану,
Достаточно взглянуть на небо,
Увидев в синем отдаленье
Воздушный флот и след за судном.
Нет смысла плыть по океану,
Ища глазами в дымке берег,
Довольно посмотреть – а нет ли
Вдоль неба фьордов горизонта.
А есть ли смысл смотреть на небо?
Не лучше ли его представить:
Безбрежность режут скрипом чайки,
Кораблик, пущенный ребенком
Безвольно вынесен на берег,
Горячей гальки хруст под влажной
Ступней коснувшейся прибоя
И облака далекий парус,
Подсвечен яркими лучами

И мы сидим с тобою рядом
Вверх обгоревшими плечами.

Она разговаривает со мной

Она разговаривает со мной, нежно смеясь
Кошками во ржи, высоковольтными проводами.
Незаметно любит меня, не ругаясь и не разводясь,
С кем бы я ни стоял, она всегда стоит между нами.
Сколько было потрачено ластиков и карандашей,
Сколько выпито, скомкано, выброшено и потеряно —
Она смотрит в глаза и обнимает меня за шею,
Она гораздо больше меня во мне уверена.

Она разговаривает со мной стихийными бедствиями,
Кем-то в погонах, превышающим полномочия,
Неисчерпаемыми причинами и последствиями
Она разговаривает со мной днем и ночью.
Можно сказать, что она бесконечно хороша собой,
И нескромно заметить – иногда мы с ней чем-то схожи,
Только каждую ночь она укрывает меня с головой.
Не обращая внимания на одежду и на мой цвет кожи.

Она

Она пришла и сказала...
Точнее, она сидела.
Возможно, что у вокзала,
Вряд ли что с пользой дела

Я ее не расслышал,
Как оказалось после...
Через полгода с лишним
Спали друг друга возле.

Молодость отползала,
Словно была случайной,
Что же она сказала —
Так и осталось тайной.

Отец

Болен отец, случается с каждым,
Материя – вещь неверная,
Встретил весну, как кукла в кровати,
Осень не встретит, наверное.
Вижу, как жизнь в унитазе смыта,
Вначале шальная и полная.
Лицо его словно бы не умыто,
Как карта больничная – желтое.

Что оставляет он, с чем уходит?
Буду грустить о нем.
Память найдет меня, как наркотик,
Чтоб проглотить живьем,
Кто-то уходит, кто-то приходит —
Схема, заезженная до дыр.
Если ли занятие привычней для плоти
Чем оставлять этот Мир..?

РИТМ

Радость – глупит, жизнь – виноватит.
Снова опасность в обход опасенья...
Я через день говорю себе «хватит!»
И через два – меняю решенье.
Сердце с биением – разные вещи,
Как уверяют почившие в бозе —
Грань между «жив и уж нет» вряд ли резче
Грани меж «нет и не было вовсе»

Жизнь – суть театр и поданный ужин
Есть декорация к скуке итога,
Сыграна роль, мне больше не нужен
Ни собеседник для диалога
И ни замешанный смысл на драме
В доме построенном сикось-накось
Я пережеван углами – ртами
И ты, войдя ко мне – обозналась.

Работенка

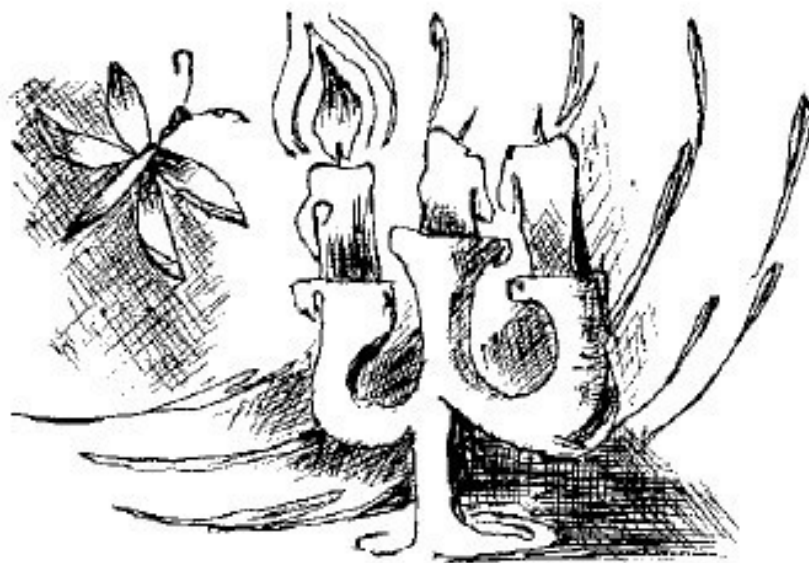
Иногда поэтам подворачивается работенка
Не особенно чистая, но поэты не выбирают.
Периодически кто-то ждет от них ребенка,
Ну и вообще бытовые трудности напирают,
Поэты – не обыкновенные эгоисты,
Отличаются многим от большинства живущих.
Они не торгуются, когда предлагают триста,
И легко отстраняются от предложений пушких.

В жизни без толка им мало что интересно,
Ценно одно лишь время, как ресурс невозвратный
И поэтому с ними заговорить неуместно,
Даже если они проживают у вас в парадной.

К слову сказать, жить с ними – невозможно
Себе на уме, как правило, выпивохи
И девианты, врывающиеся безбожно,
Как мотыльки, в ночное окно эпохи.

Это же можно заметить про публицистов,
Лучших художников, скульпторов, музыкантов,
Немного танцоров и иногда артистов,
Впрочем, скорее гениев, чем талантов.

Что, запугал? Не думайте, их немного
Ну и они, как правило, нелюдимы,
Если однажды вас с ними сведет дорога,
Не привлекая вниманья, пройдите мимо!
Или рискните и, перейдя к обману,
С ними ведите речь про любовь и брэнность,
Может быть, это послужит тогда роману,
Песне, а может, фильму про современность.

Смешной музыкант

Смешной музыкант на маленькой сцене
Дергает скрипку за нежные части.
В горячим экстазе, упав на колени,
И звуки, рожденные органом страсти,
Влетают в немые слои подворотен,
И взломанных пылью ушных полуарок,
И сходят цвета со старинных полотен
На занятых милой зевотой кухарок,
Свой день начинающих возле конины
Отборного сорта и даже довольных
Своим превосходством над плотью скотины,
Не зная мелодий, кроме застольных.
Но звуки запнулись вагоно-трамвайно
Извытые, как в лихорадке озноба
И слесарь, возникший на сцене случайно
Клянется кухарке в любви до гроба.
Смешной музыкант безликий и хрупкий
Как будто очнувшись в центре арены,
Неловко шагал и вытягивал руки
Вперед, чтоб ощупать отвесные стены.

Ты

Ты облачилась в черное и стоишь,
Словно сам секс в человеческой упаковке.
Там, где кругом только мертвые скаты крыш,
Ты куст жасмина, раскинувшего головки.

Как я могу отдалиться? Пространство – жжет!
Ты мне нужна, как Фаусту Мефистофель.
Ты тем прекрасней, чем утонченней лжет
Твой искушенный рот и арийский профиль.

Я унижаюсь, дикая Бовари,
Ты шевелишь губами и все по новой...
Нет! умоляю, только не говори!
Все уже сказано... Бродским и Полозковой.

Полнолуние

Шок от удара ладонью по голове рождает музыку губ,
Эхо шагов вторит крику, обрушенному на асфальт,
Оглуший и липкий от снега, где низкие ноты труб
Рассыпаны в петлях следов, троих разбегающихся. И альт
Пытается поддержать рассеянный, еле слышный ритм,
Но немота превращается в жилах города в снегопад,
Над небом, венчающим верх колодца и алгоритм
Музыки бездыханности жителей, волокущихся наугад,
В поисках подворотен, чтобы уткнуться белками глаз
В отражение ужаса, направляющих взгляды вскользь,
Но охрипшие репродукторы вдруг разносят
лохмотья фраз,
Серые, с лицами первых встречных,
продолжают идти врозь.

Вечерняя виолончель Ольга Челюканова. г. Москва

Родилась в Приморье.
Окончила Литинститут имени А. М. Горького.
Член СП России.
Живет в Москве.

© Челюканова О., 2015

Звучит беллиниева «Каста дива»

Существует гипотеза о взрыве сверхновой как о стимуле зарождения жизни из неживой материи.

Звучит беллиниева «Каста дива».
Рождается сверхновая звезда.

Внизу зияет океана грива
И лязгают земные поезда.

Пока прельщают нас иные дива
И держит тяготения узда —

Звучит беллиниева «Каста дива».
Рождается сверхновая звезда.

Но отблеск гармонического взрыва
Еще падет на эти города.

Звучит беллиниева «Каста дива».
Рождается сверхновая звезда.

Огонь животворящей катастрофы
Уронит свет на каторжные строфы,
На спелых философий сок
И на сухой безжизненный песок...
И все предстанет просто и правдиво.

Звучит беллиниева «Каста дива».

Песочные часы

Набросьте плащ иллюзии сверкающий
На грудь безобразнейшего хлама...
Тончайшей амальгамой целомудрия
Покройте крови алчущие зевы...
Завесьте золотыми словесами
Испод поступков и изнанку помыслов...
Прекрасными и чистыми устами
Целуйте ненавистные уста!

Перейдена черта. Перейдена черта.
Безмерно и всемирно мы устали.
Да отдадимся Замыслу и Промыслу —
Слепой Фемиде с вознесенными Весами.
Да огненным мечем разящей девы
Отсекновенно будет суемудрие
Пред величавой колоннадой Храма,
Где поздно согрешать. И поздно каяться.

Разделение

Мир прост, как весенняя песня синицы.
Но в сердце втыкаются черные спицы.
Мир чист, как вода из веселой криницы.

Но в сердце втыкаются красные спицы.
Мир светел и ярок. С ним хочется слиться...
Но в сердце втыкаются белые спицы.

Париж

Авантажнй шансонье
Там поет шансоны.
И subtilный шампиньон
Падает в бульоны.
Там салаты-оливье
Кушают мадамы.
Там гарсоны, кутюрье
И шершеляфамы...
И с улыбкой анаконды,
Пожирающей сердца,
В Лувре там парит Джоконда.
Без начала...
Без конца...

Песня

Ветер клонит вереск. И листья кружит.
Наступает миг – ни вечер, ни день.
Как он мал и тесен. И как он велик!
Необъятный миг, говорящий истину мне...

Это просто осень. Причуды дождя.
Это старый вальс... И блеск витражей...
В синих фонарях полосы огня...
Ты ступаешь тихо. Присаживаешься тесней.

Будем говорить мы о том, чего нет.
О волшебных снах и странных словах.
И встают картины. И гаснет рассвет...
Гаснет – не зардевшись, чтоб миг навечно продлить...

Гамлет-Гамлет. Так оно бывает...

1. Игры на флейте

Гамлет – черный кузнечик замученный
Монолог произносит заученный.
Розенкранцы-то с Гильденстернами
Притворяются псами верными —
Однокашники-стукачи.

Не прогневайся. Помолчи...

Гамлет – белый кузнечик замученный,
Весь интригами перекрученный...

А друзья – укатили в Англию.
Надо думать, их ждали там.

2

Гамлет-Гамлет. Так оно бывает —
Бедный, сумасшедший тугодум
Свой сушеный Виттенбергский ум...
Видите – как рыба, разевает
И безмолвие зияет в нем.
И горит мучительным огнем.

Гамлет-Гамлет. Так оно и будет.
Лучшее горючее сгорит —
А предатель правит и царит.
В мире не прибудет —
Не убудет.
Не пробудит
Мир не месса Баха,
Не твоя крахмальная рубаха,
Где твоя отравленная кровь.
Разве, говорят, – одна Любовь...

Гамлет-Гамлет. Так оно и было.
И в твоей и в нашей стороне —
Словно по натянутой струне.
Молодым, талантливым – могила.
Остальным – немного погода,
Тусклые итоги подведя.

Тишину с висков своих сотри.
Стой у рампы и на нас смотри.

3. Куколка и бабочка

...Сначала ты немножечко Офелия,
Потом, уже по-крупному, Гертруда...
И снова после тяжкого похмелья
Очнется новоявленный Иуда.
И посреди стукачества и блуда,
И напрочь оболваненного люда
Не будет Чуда. Не взмахнуть крылами.
Давно б рукой на все махнули,
Но, слышишь, там, в тени и гуле
Веков отшедших
Лишь голос ясна различимый.
И распадаются личины
И гениев, и сумасшедших.
И лишь собой становятся они.

«Элои, Элои, ламма савахфани?»

Камень

*переложение из Леонардо
да Винчи, 1494 г.*

Камень отменной величины,
Недавно вышедший из воды,
Возлежал на высоком месте
У приятной рощицы,
В окруженье цветов и трав.
От прекрасных их красок устав,
Он увидел тех, кем мостятся площади.
Там, внизу лежали они. Их много.
Собой они вымостили дорогу.

И наскучили камню травы,
И плакучие эти нравы,
И сей камень решил низринуться,
Чтобы к братьям своим придвинуться,
Чтобы стать таким, как они.
Вот на чем закончил он дни —
Легкомысленно убежал,
Средь желанного общества пал.

Он лежал и страдал жестоко
От звенящих подков железных,
От колес тяжелых повозок
И от путников нелюбезных,
Что его пинали ногами.

В беспрестанном шуме и гаме,
Весь в грязи, во прахе, в навозе,
Он порою приподнимался
И к высокому месту покоя
Его тщетный взор обращался.

Подобное случиться может с тем,
Кто от уединенных созерцаний
Сползал в бессмысленную горечь дел,
И городов, и зол, и толп, и тел.

Лишь о ней...

*Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!*

А.С.Пушкин

Лишь о ней, все равно – лишь о ней, —
О прельстительной, о проклятой,
Среди роз и среди камней
От рассвета и до заката!
Лишь о ней, навек и на миг,
О навязчивой, неуловимой,
Пирамиды прекрасных книг
И в глуши цветок нелюдимый!
Лишь за ней паденье и взлет,
Милосердие, вожделье.
По следам золотым ползет
Пре-ступленье.
Что она – свобода иль плен?
Что она – награда иль кара?
Возрождение или тлен?
Райский свет или мрак Тартара?
Лишь о ней хочу говорить,
Иллюзорной ли – настоящей...
Лишь ее хочу подарить:
Потаенную ли, – парящую.
Лишь о ней, все равно – лишь о ней,
Лишь о ней говорить хочу.
Среди роз и среди камней
Возжигаю свечу.

Садик

Порою кажется, не без резонов
И к неминуемо большой досаде,
Что девственные джунгли Амазонки —
Всего затоптанный больничный садик...

И, кажется, весь мир – больничный садик.
В нем тихо все болит-живет.
Белейший доктор выйдет из засады
И в желтоватый корпус позовет...

Звезда

Непостигаемо прекрасна,
Горит над городом звезда.
Она прельстительна и властна
И не погаснет никогда.
В края надмирные, иные
Ведет высокие умы.
Ее лучи пронзили ныне
Броню трагическую тьмы.

Глубокая река

Тысячелетья, о, ты говоришь с небом.
Глубокие тайны охраняешь ты.
Ты говоришь с небом.

Тысячелетья, о, небо в тебя впадает.
Скользишь по равнинам, многомудрая.
Небо в тебя впадает.

Тысячелетья, о, плавно несешь воды.
Доставь эту лодку в край спокойствия...
Плавно несешь воды.

Темно-красное танго...

Темно-красное танго нагнало меня накануне,
Раствориться велело. Затем приказало: держись!
Удивляла меня золотой простотой полнолуний,
Журавлиною жалобой – новорожденная жизнь.

Открывала мне двери, в которые страшно стучаться.
Зажигала лампы, которые не потушить.
Называла по буквам заглавные признаки счастья.
Я шептала за ней только слово короткое – «жить».

Обдавала меня соляными волнами морскими.
Овевала ветрами, огнями сжигала, любя.
Поверяла нетленные тайны и слухи мирские.
Против воли своей – я опять понимала себя...

Novella

Ночь

Асфальт. – Улики, следы и блики.
Обманчив шквальный панелей штиль.
Урбанистические улыбки.
Неотоваренных грез утиль.

Подъезды-бары-рекламы-фары...
И пары, пары – плывут подряд!
Остерегающе вальтасарам
Намеки огненные горят.

Модификации одиночеств...
В оконных рамах – миров ряды,
Морфей и морфий пиров непрочных,
Едва глядящих из ерунды.

Бледнел неон. Такова природа.
Все ближе утро. И вот, и вот
Сквозь облака сероводорода
Сереет города кислород.

Она

Кто-то крадется каинно. Кто-то авельно ластится.
Кто, как все геростраты, производит растраты...
А иной – твердокаменный, да задавлен напастями!
Кто-то – строит шалаш... Кто-то – метит в палаты.

Не хочу ничего! Только чистого воздуха.
Не хочу ни советов твоих, ни напутствий.
Надоело летать и довольно напозвано.
Мне бы – просто шагать; мне бы в радость —
споткнуться!

Не хочу ничего, только дайте обрывочек
Этой блеклой лазури, печальной и немощной...
Что поделать с собой в диких дебрях привычного?..
Мое Море колышется, шепчет во тьме ночной!..

Что поделать с собой? Ничего не поделаешь...
Признаю. Отступаю. Спокойно и плавно я.

А потом – устремлюсь в это синее... белое...
Пожелайте теперь мне счастливого плавания!

Поцелуй Гермины

Каменеющий,
Связанный ты по рукам и ногам,
Как Татьяна Египетская
Из статьи незабвенной Белинского.
Я – не Пигмалион.
Но тебя – не отдам.

Нужен новый Роден,
Чтоб по новой родил,
Чтоб отсек от тебя скорлупу,
Чтоб тебя расковать рисковал...

Галатея моя ты,
Но рода мужского. Ого.

Галатея моя, золотая,
О, проснись-пробудись,
Расколдуйся – целую, как надо,
Как во всех знаменитых финалах,
Когда разрушаются капища, скопища зла
И, напротив, в сиянье лучей,
Восстают до небес колоннады,
Очевидно, как я понимаю, – добра...

(Тут и в трубы трубят,
И врата отворяют,
И чудовища облик чудовищ
Теряют.)

Галатея родная моя,
Мне галантно подай лимонада,
Я так голодна...

Не скрывай от меня
Свой удушливый ужас
Перед новой судьбой,
Перед новой борьбой.

О, мужчины умеют и любят бояться.
Сядем. Поговорим. Обойдется. Помаду утри.

Памятник курящему

Он курил на ветру вокзала.
И одежды его терзало.

Улетел продувной кепон
Без особых к тому препон.

Человек лишь следил вполглаза
Чтобы курево не погасло.

Улетело пальто в рассрочку.
Ну и ладно. Поставим точку.

Он от ветра лицо схоронил, —
Сигарету оборонил.

Улетели очки, пиджак.
Ничего. Проживем и так.

Он лопаткой сложил ладонь,
Защитить последний огонь.
Улетел носовой платок —
Вслед за поездом – на восток.

Он курил на ветру в затяжку.
Беззащитно-бела рубашка...

Он курил на ветру вокзала,
Оттого, что Тебя умчало.

«Цыганка по двору бродила...»

Цыганка по двору бродила.
Глазами жаркими сверкая,
Цыганка душу бередила,
Не молодая, но такая...
Звезда холодная горела.
Лучами мертвыми живила.
Душа цыганки пела, пела...
Лучи холодные ловила.
Когда упала навзничь песня,
Цыганка очи опустила.
Когда осталось только «если» —
Лучи холодные ловила.
Цыганка душу бередила.
Лучи холодные ловила.
А может, грела, да горела?
Но до конца цыганка спела.

«А Сольвейг – пела...»

А Сольвейг – пела.
Сколько сказано об этом...
Гляди: ее душа исходит светом
По-детски. Безнадёжно и несмело.
И тело невесомым стать успело.
Среди миров, которым нет предела,
Среди лесов слепая Сольвейг пела...

Пророку

Глаза возводишь. Руки воздеваешь.
Слова высокопарные вопишь.
Но через слово ставишь: «понимаешь?»
и, что ни жест, – через плечо глядишь.

Ты, как и раньше, жаждешь отраженья.
Ты, как и прежде, пониманья ждешь —
до одури, до головокруженья,
до самовозгорания. И все ж,

скажи: каким народам на потребу,
преображен брожением времен,
в широком жесте примерзаешь к небу
и к небу твой язык приговорен?

На смену аватарки

Рождаясь заново, пускаясь в авантюру,
Меняя лик и, может быть, фигуру,
Хоть иногда, не очень кардинально
И не вдаваясь в «область inferнальну»,
Ты осторожен будь, о, автор Интернета,
И не избежи моего совета:
Подобен свету будь, подобен свету.
В двоичном коде ты привык к свободе...

Я «Белой Пирамидой» не была и «Черным Кубом»,
Но фотку поменять – как это все же грубо!..

В несовершенстве мира...

В несовершенстве мира

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.